

СЕДЕНТАРИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ПОНИМАНИЕ И ПРОЯВЛЕНИЕ

В.А. Иванов

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
Уфа, Российская Федерация
ivanov-sanych@inbox.ru*

Цель: показать, что, вопреки мнению многих исследователей истории и культуры кочевников эпохи средневековья, седентаризация (переход к оседлому образу жизни) не являлась ни самоцелью, ни итогом естественноисторического развития кочевых обществ.

Материалы исследования: в основу работы легли результаты источниковедческого анализа данных археологии, средневековых письменных источников и трудов ученых-путешественников XVIII–XIX вв., описывавших образ жизни и менталитет тюркских и монгольских кочевников, обитавших в это время в степях Евразии.

Результаты и научная новизна: методическое обеспечение концепции постепенного, но последовательного перехода кочевников к оседлости советскими исследователями осуществлялось через построение трехступенчатой схемы: первая (таборная) стадия, археологически представленная редкими археологическими памятниками в степи; вторая (полукочевая) стадия, проследить которую можно по появлениям в степи стационарных курганных могильников и поселений, маркирующих места кочевнических зимовок; третья стадия (оседлость), выраженная в появлении кочевнических могильников вблизи городов и отложении элементов материальной культуры кочевников в культурных слоях средневековых городов. Однако углубленный анализ следов номадической культуры на территории болгарских и золотоордынских городов показывает, что в общем комплексе городской культуры они занимали крайне незначительное место. Свидетельства средневековых нарративистов указывают на индифферентное отношение основной массы кочевников к городам. Наблюдения путешественников XVIII–XIX вв. подтверждают и дополняют наблюдения средневековых авторов. А историко-этнографические и социологические данные, полученные отечественными и зарубежными исследователями первой половины XX в., указывают на то, что седентаризация кочевых народов – казахов, калмыков, монголов – в состоянии которой они вошли в XXI век, есть следствие социальной политики советской власти, заинтересованной в установлении жесткого контроля над кочевниками. *Вывод,* вытекающий из результатов исследования, следующий: «первая стадия кочевания» – это фактически миграция кочевников в поисках новых мест обитания; «вторая стадия» – наиболее естественная форма существования кочевых сообществ, единственно возможная в природно-географических условиях Евразийских степей (правы те исследователи, кто считал и считает так); «третьей стадии кочевания» не было вообще, поскольку принудительный переход к ней уже не есть кочевание.

Ключевые слова: седентаризация, номады, кыпчаки/половцы, Золотая Орда, курганы

Для цитирования: Иванов В.А. Седентаризация средневековых кочевников Восточной Европы: понимание и проявление // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 2. С. 272–295. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-2.272-295

SEDENTARIZATION OF THE MEDIEVAL NOMADS OF EASTERN EUROPE: UNDERSTANDINGS AND MANIFESTATIONS

V.A. Ivanov

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla
Ufa, Russian Federation
ivanov-sanych@inbox.ru*

Abstract: *Research objectives:* To demonstrate that, contrary to the opinion of many researchers of the history and culture of nomads during the Middle Ages, sedentarization (the transition from a nomadic to settled lifestyle) was neither an end in itself nor the result of a natural historical development of nomadic societies.

Research materials: This study is based on a source analysis of archaeological data, medieval written sources, and the works of travelers of the eighteenth and nineteenth centuries who described the lifestyle and mentality of the Turkic and Mongol nomads who lived in the steppes of Eurasia at that time.

Results and novelty of the research: Soviet researchers explained the gradual but sequential transition of nomads to a settled lifestyle through the methodology of a three-staged scheme: 1) the tabor stage represented by rare archaeological sites in the steppe; 2) the semi-nomadic stage with the appearance of stationary burial mounds and settlements in the steppe, which marked the places of nomadic wintering; 3) the stage of settlement with the appearance of nomadic burial grounds near cities and the deposition of elements of the material culture of nomads in the cultural layers of medieval cities. However, an in-depth analysis of traces of nomadic culture in the territory of the Bulgar and Golden Horde cities shows that they occupied an extremely insignificant place in the general complex of urban culture. Medieval narrative sources indicate the indifferent attitude of the bulk of nomads to cities. The observations of travelers of the eighteenth and nineteenth centuries confirm and supplement the information recorded by medieval authors. Historical, ethnographic, and sociological data of domestic and foreign researchers in the first half of the twentieth century indicate that the sedentarization of Kazakhs, Kalmyks, and Mongols was a consequence of the social policy of the Soviet government, which was interested in establishing strict control over nomads. As such, the author drew the following conclusions: 1) the “first stage of nomadism” was actually the migration of nomads in search of new habitats; 2) the “second stage” was the most natural and the only possible form of existence of nomadic communities in the natural and geographical conditions of the Eurasian steppes (those researchers are correct who thought and still think so); 3) there was no “third stage of nomadism” at all, since nomads cease to be nomads *per se* after their forced transition to this stage.

Keywords: sedentarization, nomads, Kipchaks / Polovtsy, Golden Horde, barrows

For citation: Ivanov V.A. Sedentarization of the Medieval Nomads of Eastern Europe: Understandings and Manifestations. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 2, pp. 272–295. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-2.272-295

Вопрос о седентаризации средневековых кочевников степной Евразии в современной историографии рассматривается в формате исторического дискурса. В контексте модернистской и постмодернистской истории это логично. Однако встает вопрос: насколько предлагаемые дискурсы адекватны той исторической ситуации, которая отражена в письменных и археологических источниках¹.

Прежде всего, очевидно, следует вспомнить, что *седентаризация* – это процесс перехода кочевников к оседлому образу жизни.

Что же касается *дискурса*, то в философском понимании это речемыслительная деятельность, основанная на комплексе регулятивных принципов, следование которым **оптимизирует процесс создания, трансляции и использования знаний** (выделено мной – *авт.*). Среди этих принципов основными являются объективность, установка на поиск истины, концептуальность (теоретичность), эмпиричность, логичность, методологичность, обоснованность, критицизм и креативность [28, с. 4–8].

Дискурс в устной форме предполагает диалог, то есть, собственно *дискуссию*. Она бывает кратковременной и, чаще всего, быстро забывается. Влияние текст-дискурса на сознание и мышление аудитории гораздо глубже, поскольку «дискурс, порожденный текстом, формирует в сознании людей особый способ видения мира, заменяя реальный мир на виртуальный. Осознание того, что информация, содержащаяся в тексте, образует дискурс, способствовало созданию текстов, а, следовательно, и дискурса, в котором доминировала *Miracle Reality*², приводящая к дисгармонии между реальным миром и виртуальным, сконструированным посредством языка. Дискурс, стирая границы между реальностью и виртуальностью, позволяет создать некий иллюзорный мир ‘of smoke and mirrors’³, в котором господствует стратегия искажения истины, позволяющая манипулировать сознанием масс» [40]. В XXI веке именно такая ситуация сложилась в восприятии и оценке исследователями процесса седентаризации у кочевников эпохи средневековья. Обратимся к примерам.

Для классиков отечественного номадо- и золотоордынovedения – П.В. Голубовского, Г.В. Вернадского – проблема седентаризации кочевников, по-видимому, не стояла. В их представлении кочевники – они и были кочевники. Поэтому первый из названных ученых, характеризуя внутренний мир кочевников Восточной Европы, фактически ограничился ремаркой о том, что «... из всех известных нам степняков большей способностью к принятию культуры, к усвоению себе более совершенного быта соседей, – были половцы. Мы видели уже, что половцы жили в Тмутарокани. Но ко времени нашего вступления татар в их руках был уже и Судак. Это, по словам Ибн-эль-Асира, был главный половецкий город, обильный источник их богатства, потому что он на море Хазарском. К нему приходят суда с одеждами и покупают и выменивают на невольниц и невольников, чернобурых лисиц, бобров, белок и другие товары, находящиеся в их земле.

Благодаря этим сношениям роскошная жизнь половецких ханов являлась вполне естественной. Должно быть, она была уже очень заманчива, если вен-

¹ Насколько сами нарративы аутентичны исторической реальности – вопрос особый.

² Чудесная реальность.

³ Дыма и зеркал.

герские вельможи стали подражать им и вызвали целую бурю со стороны католического духовенства Венгрии... Мы не знаем, сеялось ли просо самими кочевниками. Может быть, это был единственный продукт их собственного земледельческого труда» [14, с. 179–180].

Г.В. Вернадский внутреннее состояние Золотой Орды характеризовал следующим образом:⁴ «С экономической точки зрения **Золотая Орда представляла собой симбиоз кочевого и оседлого населения** (выделено мной – *авт.*)... Как хан, так и князья часть года жили в городах, а на протяжении другой части года следовали за своими табунами. Большинство из них владело также земельными угодьями. Значительная часть городского населения проживала там постоянно, так что был создан городской класс, состоявший из разнообразных этнических, социальных и религиозных элементов» [10, с. 216–217].

Фактически проблема седентаризации кочевников в отечественной историографии впервые была обозначена в трудах советских исследователей. И это закономерно, поскольку советская историческая наука развивалась в концепте марксистской теории общественно-экономических формаций. Согласно этой теории, переход от варварства (родового строя) к цивилизации (государству) означает, во-первых, переход от пастушества к полеводству, поскольку «в климатических условиях Туранской равнины невозможна пастушеская жизнь без запасов корма на долгую и суровую зиму; луговоеводство и культура зерновых были здесь, таким образом, необходимы. То же самое следует сказать о степях к северу от Черного моря». Во-вторых, само по себе появление городов означало новый этап в общественной жизни, поскольку «в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации» [65, с. 72–73].

Обобщенно советскую концепцию номадизма можно изложить так: кочевничества в «чистом» виде не существовало. Оно всегда было представлено тремя формами: *таборное* (постоянное) – это когда кочуют постоянно, но только в тех местах, где для этого есть соответствующие пространственные и экологические условия; *полукочное* – это когда племя в теплое время кочует в определенных для этого пределах, а зиму проводит в поселениях-зимниках (кышлаках); *полуоседлое* – это когда кочует только элита общества, а неимущая его часть постоянно обитает на поселениях, куда элита возвращается зимовать.

Одним из первых эту схему изложил Г.А. Федоров-Давыдов в своей монографии, посвященной культуре и истории средневековых кочевников Восточной Европы. Опираясь в основном археологическими источниками, исследователь выделяет признаки, свидетельствующие о постепенной седентаризации кочевых племен. К ним он относит, во-первых, появление кочевнических могильников или групп курганов, что свидетельствует об упорядочении маршрутов перекочевок, сезонности перекочевок уже по устойчивым маршрутам: «эти маршруты приводят из года в год кочевой коллектив на одно и то же место в степи, где и возникает могильник.

На сравнительно короткий срок, зимой, печенеги, торки и половцы устраивались на поселение, представлявшее сосредоточие юрт, кибиток и посто-

⁴ Заметим, что и тот, и другой исследователь опирались только на нарративные источники.

янных домов на заброшенном старом городище, стены которого, подновленные и реставрированные, могли еще служить убежищем. Здесь же, видимо, велось и земледельческое хозяйство» [56, с. 199–200].

Во-вторых – появление у кочевников грунтовых (бескурганых) могильников.

В-третьих – появление у кочевников долговременных городков в степи, каковыми, по свидетельству русской летописи, являлись Шарукань, Сугров, Балин, Канев, Торческ, Юрьев. Следует отметить, что городки эти известны только по летописным данным, археологами они до сих пор не найдены и, соответственно, не исследовались. Однако дело в том, что исследователи – и сам Г.А. Федоров-Давыдов, и его предшественники – считали, что заселяли эти городки не половцы, а т.н. «бродники», которые, «были специфической военной категорией населения, **составляя русские отряды, примкнувшие к кочевым группам** (выделено мной – *авт.*). На зимовищах типа верхнего слоя Белой Вежи жило и обычное мирное население, сотрудничавшее и, быть может, зависимое от кочевников».

В-четвертых, свидетельством перехода кочевников к оседлости являлось, по мнению исследователя, их проникновение в среду жителей больших городов. На это указывает присутствие кочевнической керамики в керамических комплексах таких городов как Саркел-Белая Вежа и Тмутаракань [56, с. 203–204]. Своеобразным апофеозом процесса седентаризации у кочевников Восточной Европы он считал расселение и оседание кыпчаков/половцев в золотоордынских городах. На это, по мнению автора, указывает наличие погребений с кочевническим инвентарем на городских мусульманских некрополях Золотой Орды, а также зафиксированные в письменных источниках литературные произведения, написанные на языке кыпчаков/половцев.

Правда, следует отметить, что Г.А. Федоров-Давыдов не преувеличивал масштабы кыпчакской/половецкой седентаризации, считая ее следствием административной политики золотоордынских ханов, «чьи усилия были направлены на то, чтобы руками покоренных народов и вывезенных из покоренных стран ремесленников в короткий срок построить большие торгово-ремесленные центры на важнейших путях мировой торговли» [56, с. 209]. Но и в этом случае полной седентаризации кочевников не произошло, и в Золотой Орде сложились две разные культуры: «культура половцев степи, продолжавшая традиции кочевнической культуры восточноевропейской степи XII–XIII в., и синкретическая культура золотоордынского города» [56, с. 210].

Альтернативную точку зрения на исторические судьбы кочевников Евразии в те же времена выдвигал Г.Е. Марков. По его мнению, подкрепляемую неоднократно ссылками на выводы казахского историка С.Е. Толыбекова, «прогрессивное развитие кочевого скотоводческого общества **всегда и везде должно было приводить к оседанию** (выделено мной – *авт.*)» [37, с. 287]⁵. Основным условием существования кочевничества как самостоятельной формы хозяйства исследователь считал сочетание частной собственности на скот и общинной собственности на пастбища. Окончательное закрепление определенных пастбищ за скотоводами – признак начала разложения кочевничества, перехода к полуоседлому (отгонному) или интенсивному оседлому

⁵ Первое издание книги Г.Е. Маркова – 1976 г.

хозяйству: «Кочевничество могло существовать лишь до тех пор, пока большая часть народа имела возможность беспрепятственно вести экстенсивное хозяйство, свободно кочевать» [37, с. 299]. Неизбежный процесс имущественного и социального расслоения кочевников, особенно усилившийся в период кочевых империй, «наряду с другими социально-экономическими явлениями приводил к переходу к более прогрессивному, интенсивному, **но уже не кочевническому**⁶ виду хозяйства. Общество было дифференцировано на социальные слои, которые в условиях кочевых империй в некоторых случаях приобретали характер сословий, а при разложении кочевничества становились классами» [37, с. 305].

Апофеозом решения проблемы седентаризации кочевников в советской историографии явилась концепция трех стадий кочевания, разработанная С.А. Плетневой. Опираясь на данные археологии и письменных источников, исследователь на примере кочевников Евразии показывает последовательный их переход от первой (таборной) стадии кочевания к последней третьей стадии, т.е. практически – оседлости.

Первая (таборная) стадия, для которой характерно отсутствие археологически фиксируемых следов, кроме разбросанных в пространстве отдельных погребений – это гунны, печенеги и половцы на раннем этапе их появления в степях Восточной Европы. Ее вызывало стремление кочевников к «приобретению любой ценой новых пастбищ, максимальное расширение территории для выпаса стад и охоты» [49, с. 14–17].

Переход ко второй стадия кочевания «означает прежде всего ограничение территории кочевания для каждой орды или рода и соответственно **появление постоянных мест для сезонных стойбищ – зимовок и летовок** (выделено мной – *авт.*)». По мнению исследователя, это – наиболее характерная для кочевников форма хозяйствования. Вокруг зимовок появляются поля, обрабатываемые беднейшей частью кочевого общества. Рядом появляются стационарные могильники: «итак, следы стойбищ в виде обломков посуды и костей на берегах рек, бескурганые и курганые могильники рядом с ними и святилища – вот те основные материалы, типичные для второй стадии кочевания, которые может обнаружить археолог в степях» [49, с. 42].

В историческом контексте вторая стадия кочевания – это гунны в Европе, авары, болгары в Хазарском каганате, половцы в восточноевропейских степях, кимаки. Поскольку вторая стадия кочевания наиболее характерна для кочевых обществ, она сохраняется очень долго, практически до XX в.: ногайцы, казахи, монголы [49, с. 71].

Третьей стадии кочевания (а это уже фактически оседлость) посвящен пространный дискурс, составляющий более четверти объема рассматриваемого исследования С.А. Плетневой. В отличие от первых двух стадий, от третьей стадии, как считала автор, «сохраняется в земле громадное количество разнообразных памятников, позволяющих осветить все стороны экономической и культурной жизни государства. Это прежде всего остатки обширных поселений, характеризующихся ярко выраженным культурным слоем, насыщенным обломками костей животных и керамики» [49, с. 81]. Переход к третьей стадии исследователь прослеживает практически у всех средневековых кочевников

⁶ Выделено Г.Е. Марковым.

Евразии, но окончательную ее победу она фиксирует только для Хазарского Каганата и Золотой Орды. И то и в Каганате, и в Золотой Орде «завоеватели так и оставались кочевниками. Они не оседали на землю, т.е. не приобщались к земледельческому труду (за редким исключением)» [49, с. 121].

Характерно также и то, что, как считала С.А. Плетнева, в Золотой Орде, несмотря на господство урбанистической культуры, сохранялись районы, население которых так и осталось на второй стадии кочевания. Именно на этих территориях после распада Золотой Орды сложились кочевые ханства: Сибирское, Астраханское, Ногайская Орда [49, с. 140].

Высокий научный авторитет С.А. Плетневой, непререкаемость (в те времена) ее суждений и четкость предложенной ею концепции в немалой степени способствовали тому, что вскоре появились и другие работы, в которых доказывалась⁷ и неотвратимость оседания кочевников, прикоснувшихся к городской цивилизации [2], и целесообразность и закономерность перехода кочевников к оседло-земледельческой жизни [53], и иллюстрировалась последовательность прохождения кочевниками всех трех стадий [20].

Итак, через труды исследователей советского периода «красной нитью» проходит идея о том, что третья стадия кочевания (переход к оседлости) везде была, но нигде не победила.

Аналогичных взглядов на природу и характер номадизма придерживались в то время и зарубежные исследователи. В частности, Е. Бекон, оперируя результатами этнографических наблюдений ученых-путешественников XIX – начала XX вв. – Левшина, Радлова, Ланделла, С.И. Руденко и др. – выделила такие характерные черты центрально-азиатского номадизма как стабильные маршруты летних перекочевок, стационарные зимники с землянками и глинобитными хижинами, посевы проса. Однако это не помешало ей сделать общий вывод о том, что киргизы и казахи – нация кочевая, переход к земледелию никогда у них не был массовым, поскольку расценивался как «жизненный упадок», вызванный обстоятельствами или административным принуждением, который они старались превозмочь при первой же возможности [66].

В постсоветское время, когда отечественная историческая наука освободилась от формационных догматов, а в историографии расширился доступ к зарубежным публикациям, в понимании номадизма как исторического явления преобладающим становится т.н. цивилизационный подход, суть которого исследователями раскрывается неоднозначно. Нюансы этой неоднозначности показаны Н.Н. Крадиным, который сам возражает против определения номадизма как цивилизации и предлагает считать «степной мир не как особую цивилизацию, а как “квазицивилизацию”, т.е. некое внешне похожее на цивилизацию единство, **которое на самом деле представляется концептуальным конструктом, созданным в мыслях исследователя**» (выделено мной – *авт.*) [25, с. 92].

Что же касается интересующей нас проблемы седентаризации, то она рассматривается в форме дискурсов, зачастую взаимоисключающих.

Например, в рамках цивилизационного подхода Э.С. Кульпиным был поставлен вопрос о цивилизации Золотой Орды, основным признаком которой исследователь называет способность общества «не просто хозяйственно ос-

⁷ В том числе и со ссылками на классиков марксизма.

воить неблагоприятные для жизни людей участки земной поверхности, но и обеспечить там условия жизни, соответствующие принятым обществом стандартам. В Золотой Орде это обеспечивалось созданием в степи системы городов» [29, с. 182].

Правомерность подобной номинации Н.Н. Крадин подвергает сомнению [25, с. 93].

Впрочем, в контексте интересующего нас вопроса – седентаризация – Э.С. Кульпин в рассматриваемой работе затрагивает его в традиционной для советской историографии форме: «Ясно, что первый вариант (массово сесть на землю) не имеет отношения к реальной истории Золотой Орды. Свидетельств о массовых насильственных обращениях кочевников в земледельцев в истории Золотой Орды мы не знаем. Какая-то часть потомков завоевателей кочевников стала горожанами, живущими в городах постоянно. Но большая их часть жила в городах лишь зимой, а с наступлением весны уходила кочевать в окружающие степи. Зимой население степных городов возрастало за счет юрт кочевников, образующих кварталы временного поселения. По-видимому, в случае Золотой Орды речь может идти о втором или, скорее, о третьем варианте – создании нового этноса в степи» [29, с. 180].

Однако в последующих дискурсах Э.С. Кульпина-Губайдуллина происходит эволюция его взглядов на проблему седентаризации кочевников Золотой Орды в сторону ее неизбежности. Автор начинает считать, что вслед за кочевой знатью, которая, по мере появления поселков на территории Золотой Орды, начинает строить в них свои усадьбы и массово переходит к полукочевому или полностью оседлому образу жизни, и их челядь, глядя на них, «начинает приживаться в этих поселках, сливаясь со старожилами мест». А в пятом и шестом (?) поколениях потомки завоевателей восточноевропейских степей уже массово переходят от кочевой к оседлой жизни. Причем, в силу того, что природные условия степи не позволяли кочевникам стать пашенными земледельцами, они в процессе своей седентаризации «перепрыгнули» через земледельческий этап сразу в этап ремесленного городского производства [32, с. 456].

Процесс этот, по мнению исследователя, облегчался тем, что постепенное оседание кочевников (тюрков) на землю «к моменту создания Золотой Орды уже насчитывал несколько столетий» [30, с. 55]⁸.

Данный тезис Э.С. Кульпина-Губайдуллина по сути имеет абстрактный характер, поскольку в нем абсолютно не прослеживается ни характер «кочевнического земледелия», ни его значение для хозяйства кочевников. А как уже давние, так и новейшие историко-этнографические исследования показывают, что земледелие кочевников было, во-первых, технологически примитивным, следовательно – малопродуктивным⁹ [68], во-вторых, в домонгольское время в степях Восточной Европы им занимались группы оседлого населения, подвластные кыпчакам/половцам [48].

Что же касается Золотой Орды, то характеристика земледелия, как отрасли хозяйства в этом государстве, современными исследователями дается опять-таки по материалам поселений тех земледельческих районов, которые

⁸ Здесь взгляды исследователя совпадают с позицией советских историков, о чем будет подробнее сказано ниже.

⁹ А это – на примере казахов XIX – начала XX вв.

вошли в состав Золотой Орды – Булгар, Хорезм, Крым и Северный Кавказ [43; 44, с. 156–172].

Свою концепцию неизбежности седентаризации кочевников Золотой Орды («неизбежность перерождения») Э.С. Кульпин-Губайдуллин обосновывает с помощью социально-исторического дискурса, основное содержание которого изложено в виде социолого-философских тезисов, типа: «Бремя империи требовало от завоевателей-кочевников, если не полностью, то в значительной степени превратиться в оседлое население – горожан-ремесленников и земледельцев, либо организовать земледелие и ремесленное производство из других народов, либо выбрать компромиссный вариант, и тогда в степи возник бы новый этнос, в создание которого вложили бы свою лепту все народы империи». Монгольская знать после завоевания степей Восточной Европы подпадает под зависимость от покоренных тюркских кочевников (кыпчаков/половцев), которые должны были пасти скот и обеспечивать благосостояние своих новых господ. Последние, беря себе в жены тюркских женщин, уже в третьем поколении утрачивали свою монгольскую этничность и превращались в тюрков: «Именно с третьего поколения *основным языком общения и основной культурой становятся тюркский язык и тюркская культура*. Монгольское культурное влияние все более находит свое выражение во второстепенных элементах культуры: отдельных видах и деталях одежды, в прическах, разных элементах ритуала, но видимо более всего, во все времена таким консервативном, как похоронный». Знать Улуса Джучи, добившись независимости от Каракорума, стремительно богатеет и у нее возникает потребность реализовать свой капитал через приобщение к городской культуре: «следовательно, *элита была обречена сменить традиционный кочевой образ жизни на городской. Разумеется, эта метаморфоза была постепенной и могла осуществиться лишь с возникновением единства интересов государства и общества*» [31, с. 54–57].

В принципе, предложенная Э.С. Кульпин-Губайдулиным историко-социологическая схема продолжает схему П. Голдена, с той только разницей, что американский ученый считает, что процесс интеграции кочевой элиты в городскую культуру заканчивался драматически для кочевых сообществ. Перенимая культуру и образ жизни завоеванных оседлых обществ, кочевая знать отрывалась от своих рядовых соплеменников, поскольку те не видели для себя никаких преимуществ в седентаризации. Да и сама кочевая знать, не будучи искушенной в государственном управлении аграрными государствами, передавала административные функции либо местной бюрократии, либо тем иноплеменникам, которые были лояльны к завоевателям [67, р. 10–11].

Аналогичную картину реконструируют исследователи, изучающие историю кочевых империй востока Степной Евразии – хунну и тюрков. Там, по их мнению, урбанистическая культура насаждалась группами оседлого населения, депортированными в степь и этнически чуждыми завоевателям [26, с. 331–333; 27, с. 226–227].

Альтернативной точки зрения на седентаризацию, ее возможность и целесообразность, придерживается А.М. Хазанов. Для осуществления этого процесса в кочевой среде, по мнению исследователя, необходимо не просто наличие, а доминирование таких факторов, как миграция на новые территории, где кочевое скотоводство было экономически невыгодным по причине

местных экологических условий (подобные миграции являлись, как правило, вынужденными). Кроме того – ломка психологических стереотипов, поскольку «полная и массовая седентаризация, какими бы путями она не осуществлялась, преодолевает односторонность нomaдизма тем, что отказывается от него самого» [60, с. 324–328]. И поэтому вполне естественной представляется ситуация, когда кочевники после вынужденной миграции, и даже став вассалами оседло-земледельческого государства, старались сохранить свои культурно-бытовые традиции и образ жизни и даже отстаивали их с оружием в руках перед своим сюзереном: печенеги в Первом Болгарском царстве, кыпчаки/куманы/половцы в Венгерском королевстве XIII–XIV вв. [69; 70; 73].

Иначе говоря, «...именно кочевники являлись их (кочевых империй – *авт.*) создателями, а социальная стратификация в них в известной мере совпадала с экономической специализацией и этническими различиями. Династии и значительная часть правящих элит в них также были кочевого происхождения. Более того, **вопреки достаточно распространенному мнению, большинство рядовых кочевников в таких государствах отнюдь не оседали, а продолжали вести традиционный образ жизни** (выделено мною – *авт.*)» [61, с. 14].

Определенные изменения происходят и во взглядах исследователей, ранее придерживавшихся концепции С.А. Плетневой. В частности, К.М. Байпаков теперь уже считает, что «важное значение для понимания взаимоотношений кочевников и земледельцев имеет установленный факт о том, что “чистые кочевники” являлись редким исключением и что элементы оседлости и земледелия всегда сопровождали кочевое хозяйство; в рамках единой этнической общности наряду с кочевым существовали полукочевые и полуоседлые группы скотоводов. Поэтому “непроходимой границы” между земледельцами и скотоводами не было, и в массе последних всегда имелись потенциальные группы населения, которое при определенных условиях и стечении обстоятельств переходили на оседлый образ жизни. **Были и обратные процессы** (выделено мной – *авт.*)» [3, с. 345].

Вообще, говоря о седентаризации, прежде всего возникает вопрос об источниках, этот процесс подтверждающих и иллюстрирующих. Естественно, что для нового и новейшего периодов это этнографические данные, для эпохи средневековья – археологические материалы и соответствующие нарративы. Что же представляют из себя археологические источники?

В фундаментальном (и пока самом новом) исследовании по истории Золотой Орды и ее места и роли в мировой истории казахский историк К. Ускенбай, излагая историю левого крыла Улуса Джучи в XIII – начале XV вв. (Улус Орды, включавший в себя степи Восточного, часть Южного и часть Западного Казахстана до р. Яик), пишет, что «современные археологические исследования говорят о достаточной распространенности традиций земледелия в среде кочевой степи. По руслу крупных рек Иртыш, Чу, Сыр-Дарья, Сарысу, Нура, Есиль, Торгай, Тобол, Иргиз, Эмба и Яик **население имело постоянные оседлые поселения, которые круглый год не покидались жителями** (выделено мной – *авт.*)» [55, с. 214–215].

Одновременно А.А. Бисембаев и Г.А. Ахатов на территории Западного Казахстана выделяют несколько районов «сосредоточения оседлой культуры

золотоордынского времени» – бассейн среднего и нижнего течения Урала, Большого и Малого Узеней, Уило-Кобдинский бассейн [5].

У нас нет оснований сомневаться в том, что подобные районы, маркированные городищами Сарайчик, Жайык на р. Урал, Жалпактал на Узенях, существовали. Другое дело, что из опубликованных данных невозможно понять, какова была роль и степень участия собственно кочевников в сложении этих оседлых центров. Дело в том, что ни в окрестностях Сарайчика, ни в окрестностях Жайыка сколь-нибудь крупных кочевнических могильников пока не обнаружено¹⁰. Единственная более-менее прослеживаемая географическая связка – это городище Жалпактал и скопление курганов и курганных могильников в низовьях Узеней – Джангала (Новая Казанка), озеро Раим, Джангала (Сарайдин), Джангала (Кара-Оба), Мокринский. Сред них Мокринский могильник наиболее крупный (более 50 захоронений)¹¹. Но, во-первых, между перечисленными памятниками и ближайшим к ним городищем Жалпактал по прямой – более 80 км. То есть, связывать их в единый археологический комплекс нельзя. Во-вторых, исследователи считают, что Мокринский могильник (и аналогичный ему могильник Маячный бугор I на Нижней Волге, являвшийся городским некрополем Красноярского городища) оставлены отнюдь не кочевниками, а оседлым населением, мигрантами с востока, оказавшимися здесь вследствие административной политики золотоордынских ханов [38; 24].

Аналогичным образом и другие из известных бескурганных могильников Золотой Орды (а priori оставленные оседлым населением) также являются или не кочевническими (аланы – Новохарьковский на Среднем Дону), или оставлены смешанным населением (кочевники и мордва – Аткарский могильник в Среднем Поволжье) [45, с. 176; 17, с. 379; 11, с. 86–94].

А что касается упомянутых К. Ускенбаем поселений по рекам Иртыш, Чу, Сарысу, Нура, Есиль, Торгай, Тобол, Иргиз, Эмба и Яик, то пока приходится констатировать, что по известным данным поселений золотоордынского времени, которые можно было бы связать с кочевниками, здесь нет¹². Да и вообще, на картах степного Предуралья Российской империи середины XIX в. – «Карта Киргизских степей» и «Карта Оренбургского, Уральского и Башкирского казачьих войск» – также нет обозначений стационарных казахских аулов, хотя обозначены такие реально существовавшие объекты как ханская ставка в северной части Рын-Песков, становище султана правителя Средней Орды в устье р. Хобда, «летние лагеря киргизов» в устье р. Эмба, «развалины каменной мечети Берту» в низовьях этой же реки.

Впрочем, даже если подобные поселения будут когда-нибудь исследованы, то едва ли они будут представлять собой нечто более капитальное, нежели казахские зимники XIX – начала XX вв., следы которых в виде оплывших земляночных впадин известны по правобережью р. Урал в Оренбургской области.

Средневековых кочевнических поселений в степях Восточной Европы мы не знаем. Пресловутые половецкие «города» – Шарукань, Сугров и Балин, а

¹⁰ Про территории, перечисленные К. Ускенбаем, я вообще не говорю.

¹¹ По данным на 2010 год.

¹² По берегам этих рек в 1980–1986 гг. проходили маршруты наших археологических экспедиций. Найдено и исследовано много курганов и несколько мавзолеев XIII–XV вв. и ни одного поселения, относящегося к указанному периоду.

также Саксин в низовьях Волги – всем известны по упоминаниям в средневековых нарративах и никому – как археологические памятники. Половецко-огузский могильник у Саркела-Белой Вежи, часть погребений которого была впущена в насыпь вала, защищавшего крепость с юга [50, с. 5], к Саркельской крепости может отношения вообще не иметь. Тем более, как показывает Ф.С. Флёров, ни Саркел-Белая Вежа, ни другие «города» Хазарского каганата таковыми не являлись, а были *укрепленными лагерями, ханскими аулами*. Таковыми же аулами, по мнению исследователя, были и Плиска и Преслав в Болгарском царстве, где также обитали печенеги [57, с. 39, 42, 178–190; 21, с. 36–37].

Вообще следует отметить, что даже на тех территориях, куда кочевники перемещались в силу экстремальных для них обстоятельств, они продолжали придерживаться своего традиционного образа жизни. Например, печенеги, буквально рассыпавшиеся по территории Первого Болгарского царства, своих поселений не строили, а для сезонного проживания не гнушались использовать заброшенные или оставленные поселения местных насельников [21, с. 40]. Об их вполне индифферентном отношении к руинам более ранних поселений свидетельствует печенежский могильник Одырци, устроенный на развалинах крепости позднеантичного времени [15, с. 7], кочевнические погребения на территории Охлебининского городища в среднем течении р. Белой [19], кочевнические погребения на городище Бозок¹³ в Казахстане [1; 59].

Традиционно археологическим индикатором перехода кочевников к оседлости считается наличие кочевнической керамики в культурных слоях поселений. Кроме Тмутаракани и Саркела-Белой Вежи, она найдена на поселениях Волжской Болгарии (керамика IX и XIII групп – по Т.А. Хлебниковой и Н.А. Кокориной). Ее связывают с памятниками Южного Казахстана и Киргизии и отождествляют «с исторически известными гузами-куманами» Обе эти группы керамики, по мнению названных авторов, генетически связаны. Только на памятниках домонгольского времени (Алексеевское городище, Мало-Пальцинское селище) они встречены в незначительном количестве (IX группа), хотя в период Золотой Орды керамика XIII группы занимает заметное место в общем керамическом комплексе поселений (от 2% на Алексеевском поселении до 65% на городище Джукетау)¹⁴ [62, с. 116, 227; 23, с. 33]. Каким кочевникам она принадлежит, сказать, конечно, невозможно, поскольку в погребениях печенегов, огузов, кыпчаков/половцев как домонгольского, так и золотоордынского периодов керамические сосуды встречаются крайне редко¹⁵.

Точно так же керамикой маркируются печенежские поселения на территории Дунайской Болгарии. По форме это горшки и глиняные котлы в виде двойного усеченного конуса или в виде цилиндра с внутренними ушками [21, с. 37]. К подобным же маркерам исследователи относят находки на поселениях отдельных экземпляров украшений и деталей убранства конской узды [33].

То есть, археологические признаки седентаризации позволяют только говорить о том, что кочевники на том или ином поселении жили, но как долго и как много их было – этот вопрос остается без ответа.

¹³ Бывшем древнетюркском святилище [58].

¹⁴ Следует иметь в виду, что удельный вес керамических групп высчитывается не от всей керамики поселений, а от небулгарской ее части.

¹⁵ В погребениях огузо-печенежского времени – 11,3%; у половцев – 9,6%; у кочевников Золотой Орды – 1%.

Еще одним признаком инфильтрации кочевников в городскую среду исследователи считают расположение кочевнических могильников вблизи золотоордынских городов [6, с. 92–97]. О неочевидности этого признака мне уже приходилось писать [18].

Основным источником информации о формах и типах кочевнического бытия являются нарративы. Не буду здесь приводить избыточно известные сведения средневековых европейских (Гийом де Рубрук) и арабо-персидских (Ибн-Василь, Ал-Омари, Ибн Шохба ал-Асади, Ибн Арабшах, Ибн Баттута) авторов, описывавших кочевнический быт, нравы, внешний вид обитателей золотоордынской степи. Остановлюсь на свидетельствах более поздних авторов, описывавших кочевников уже после Золотой Орды по своим собственным наблюдениям. Они не занимались целенаправленным сбором этнографических данных, поэтому их спонтанные сведения являются точными.

В описаниях путешественников XV–XVII вв. кочевники Восточной Европы – ногаи, башкиры, казахи – находились на *полукочевой* (второй – по С.А. Плетневой) стадии своего бытия. Они имели определенные территории и маршруты кочевания, практиковали земледелие (выращивали просо), имели зимники по берегам рек [4, §§ 16–31; 13, с. 141–145, 159; 22, с. 95, 139–140; 63, с. 31; 46, с. 405]. Хотя ментальность их оставалась исключительно номадической, о чем весьма ярко сообщает нам С. Герберштейн: «Они никогда не остаются в течение долгого отрезка времени в одном месте, поскольку они считают это большим бедствием для себя. Поэтому, когда они сердятся на своих детей и хотят напугать их тяжелым проклятием, они обычно говорят: чтоб вы сидели на одном месте, как христианин, и дышали собственной вонью! Так что, когда они поедают пастбище, которое они могут найти в одном месте, они мигрируют в другое место вместе со своим скотом, женами и детьми, которых они всегда ведут с собой в болотистых местах» [13, с. 143–144].

В трудах ученых-путешественников XVIII–XIX вв. представлены сведения (в т.ч. собранные и с этнографическими целями) о кочевых народах, находившихся в составе Российской империи – башкирах, казахах («киргизкайсаках»), калмыках. Здесь мы также наблюдаем картину полукочевого образа жизни: выезд на летние пастбища, зимовка в аулах, небрежение земледелием [36, с. 37; 47, с. 8–9; 12, с. 31–35, 136; 34, с. 163–165; 35, с. 295–298; 41, с. 167; 7, с. 10; 51, с. 253–258]. В частности, И. Лепехин, описывая наблюдаемый им в 1770 г. у башкир праздник сабантуй, отмечал: «хотя Башкирцы еще по сие время очень худые и ленивые хлебопашцы; однако по соседству с Русскими и с ясашных Татар селениями начинают вникать в хлебопашество; и всякий старается по крайней мере столько посеять хлеба, сколько для домашнего обихода потребно. Они наиболее сеют ячмень и овес; а зимовой хлеб для них за ненужной почитается» [36, с. 24].

С.И. Руденко, приводя эти сведения в качестве доказательства наличия у башкир земледелия, тем не менее, отмечал: «в конце XIX – начале XX в. при оседлом образе жизни **значительная часть башкир** (выделено мной – *авт.*) летом еще выезжала на кочевки. Это были преимущественно зауральские башкиры: катайцы и айлинцы, кара-барын-табынцы и куваканцы, тамьянтабынцы, бурзяне; в горной части Башкирии: корные катайцы и кипчаки; в бассейне р. Белой: табынцы и юрматынцы; в бассейнах рек Демы и

Б. Уршака: южные минцы; на юге: кипчаки, тамьян-табынцы и северные: усергане» [52, с. 59].

Как вполне продуктивное, исследователи XIX в. характеризовали занятие земледелием у казахов Большой Орды и кара-киргизов (бугу) Прииссыккуля. Но у первых оно появилось поздно, в начале XVII в., под влиянием китайцев и узбеков [9, с. 184–188; 8, с. 107], а у вторых оно являлось дополнительным к скотоводству промыслом, которым занимались люди, специально для этого нанятые богатыми скотоводами [51, с. 295, 348–349].

Современные исследователи¹⁶ имели и имеют дело с кочевниками, уже подвергшимися процессу седентаризации, как правило – принудительной. Однако в своих историко-этнографических изысканиях они отмечают, что к началу XX в. казахи продолжали оставаться кочевниками и удельный вес городского и оседлого населения среди них был чуть более 1% [39, с. 55; 54, с. 19]. Сохранялась традиционная форма ведения кочевого хозяйства – сезонные перекочевки по маршруту зимник (кышлак) – летнее кочевье (йайляу/джййляу) и обратно.

Однако Советская власть, повсеместно победившая на территории бывшей Российской империи, была заинтересована в установлении политического, идеологического и административного контроля над традиционными кочевыми обществами. Поэтому уже в конце 1920-х гг. она начинает политику принудительной седентаризации кочевников [54, с. 33–45].

Аналогичные процессы имели место и в Монголии. В XV в. прекращается монгольское градостроительство, поскольку монгольские города, в отличие от городов Золотой Орды, имевших свою сельскохозяйственную округу [43], сильно зависели от подвоза продовольствия из Китая, который в это время уже начинает освобождаться от монгольского владычества [16, с. 524]. В 1920-е годы там также и под влиянием схожих социально-политических факторов происходит процесс насильственной седентаризации кочевников. Что, впрочем, успехом не увенчалось: при первой же возможности монголы старались освободиться от этого неприемлемого для них образа жизни [71]. А что касается урбанизации, то она в социалистической Монголии приобретала причудливые (если не сказать – гротескные) формы: по свидетельствам очевидцев, столица страны – Улан-батор – в 70-е годы прошлого столетия представляла собой типовые панельные здания, плотно окруженные скоплением традиционных юрт [64, с. 487–494].

¹⁶ Имея в виду и исследователей второй половины XX столетия.

Все выше сказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

- *Седентаризация* отнюдь не являлась самоцелью кочевых сообществ. Там, где она осуществлялась правящей верхушкой, происходил раскол общества и «ордынская замятня» 60-х – 80-х годов XIV в. – наглядная тому иллюстрация;

- Непрерывное кочевание (первая – таборная – стадия кочевания) – ничто иное, как миграция кочевников в поисках новых мест обитания, вызванная экстремальными условиями бытия на прежнем месте (перенаселение, ухудшение климата, давление извне);

- Вторая стадия кочевания по схеме кышлак – йайляу – кышлак является наиболее характерной (единственной) формой существования кочевых сообществ;

- «Третья стадия кочевания» – это уже оседлость, к которой кочевников принуждали насильственно.

В заключение можно привести высказывания двух исследователей центрально-азиатского номадизма, в целом, на мой взгляд, отражающих его сущность как исторического явления:

Н.Э. Масанов: «*процессы седентаризации в ареальных эко-системах принципиально невозможны в аграрном обществе*¹⁷ и никогда в исторически обозримое время не имели места. Поэтому следует отказаться от мысли, что эволюционное развитие номадизма завершается оседанием. Процессы седентаризации могли иметь место только за пределами ареальных экосистем – в маргинальных зонах либо в оседло-земледельческих ареалах. В ареалах номадизма оседание никогда не имело природной и материальной базы и даже в условиях индустриального общества нет альтернативы кочевничеству как наиболее рациональной стратегии природопользования. В своем историческом развитии номадизм постепенно умирает как способ производства, поскольку не может быть полностью адаптирован к условиям индустриального и урбанизированного общества» [39, с. 42].

Д. Филлипс: «Кочевничество формирует способность адаптироваться к изменяющимся возможностям, создаваемым новыми ресурсами и рынками. Кочевые скотоводы могут вносить значительные изменения в свой образ жизни, чтобы сохранить свое общество и культуру. Кочевники обладают опытом своих предков приспосабливаться к различным жизненным условиям, для которых номадизм является не только идеальным, но и реальным стилем жизни. Это может повлечь за собой изменение территории обитания, видов скота или способа расселения для того, чтобы сохранить то, что считается наиболее важным для их идентичности» [71, р. 30].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акишев К.А., Хабдулина М.К.* Результаты пятилетних раскопок городища Бозок // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Материалы Международного полевого семинара (29–30 июля 2004 г.). Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, 2008. С. 25–40.

¹⁷ Выделено Н.Э. Масановым.

2. *Байпаков К.М.* Город и степь в эпоху средневековья (по материалам Южного Казахстана и Семиречья) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 336–345.
3. *Байпаков К.М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции), Книга I: Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. Алматы, 2012. 390 с.
4. Барбаро и Контарини о России. М.: Наука. 1971.
5. *Бисембаев А.А., Ахатов Г.А.* Городища эпохи Золотой Орды на территории Западного Казахстана // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинёв, 2016. С. 74–76.
6. *Блохин В.Г., Яворская Л.В.* Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2006. 268 с.
7. *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах // Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 2. С. 7–71.
8. *Валиханов Ч.Ч.* О кочевках киргиз // Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 4. С. 105–110.
9. *Валиханов Ч.Ч.* О хлебопашестве // Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 1. С. 184–190.
10. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1999. 480 с.
11. *Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.
12. *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей, Ч. 2: О народах татарского племени. СПб., 1776. 188 с.
13. *Герберштейн С.* Записки о московитских делах / Малеин А.И. (пер.). СПб., 1908. 382 с.
14. *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар. М.: Вече, 2011. 288 с.
15. *Дончева-Петкова Л.* Одьрци. Некрополи от XI век. София, 2005. Т. 2. 465 с.
16. *Дробышев Ю.И.* Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.) / Васильев Д.Д. (ред.). М.: Институт востоковедения Российской академии наук, 2014. 608 с.
17. *Зеленев Ю.А.* Расселение мордвы: её этническая и политическая история в XIII–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 377–382.
18. *Иванов В.А.* Город и степь Улуса Джучи (Золотой Орды) – историческая антитеза // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 162–167.
19. *Иванов В.А.* Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища // Советская археология. 1977. № 1. С. 292–295.
20. *Иванов В.А.* Три стадии кочевания в истории средневековых племен Урало-Поволжских степей // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 95–101.
21. *Йотов В.* Българските земи и нашествията на късните номади в края на XI–XII в. Автореферат на дисертация за присъждане на образователна и научна степен „Доктор“. София, 2015. 50 с.
22. Книга большому чертежу. М.; Л., 1950. 228 с.
23. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 383 с.

24. *Комаров С.Г., Китов Е.П.* Население Волго-Уральского междуречья в эпоху Золотой Орды (по материалам из могильника Мокринский I) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 80–88.

25. *Крадин Н.Н.* Кочевничество и теория цивилизаций // Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: «Дайк-Пресс», 2007. С. 86–94.

26. *Крадин Н.Н.* Урбанизационные процессы в кочевых империях монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир (Материалы международной научной конференции). Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, 2008. Кн. 3. С. 330–346.

27. *Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Васютин С.А.* Империя хунну и начала степной урбанизации // Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры. 2018. С. 226–240.

28. *Кротков Е.* Научный дискурс // Современный дискурс-анализ. Электронный журнал. 2010. Вып. 2. Т. 1. С. 4–18.

29. *Кульпин Э.С.* Цивилизация Золотой Орды // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, 2004. С. 167–186.

30. *Кульпин-Губайдуллин Э.С.* Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с.

31. *Кульпин-Губайдуллин Э.С.* Золотая Орда: Судьбы поколений. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 192 с.

32. *Кульпин-Губайдуллин Э.С.* Экологические и экономические критерии цивилизованности Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 447–456.

33. *Курта Ф.* Образ и археология печенегов // Stratum plus, № 5: Под знаком Рюриковичей. 2013. С. 203–231.

34. *Левекк Ш.-П.* История народов, подвластных России. Сахибгареева Л.Ф. (пер.), И.В. Кучумов (ред.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2016. 480 с.

35. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: «Санат», 1996. 656 с.

36. *Лепехин И.* Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1772. 338 с.

37. *Марков Г.Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. 2-е изд. М.: КРАСАНД, 2010. 320 с.

38. *Марыксин Д.В.* Археологический комплекс времен Золотой Орды Мокринский I // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2010. С. 312–317.

39. *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности nomadного общества. Алматы: «Социнвест»; Москва: «Горизонт», 1995. 320 с.

40. *Миньяр-Белоручева А.П.* Типология исторического дискурса // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 2. С. 8–16. DOI:10.17759/langt.2015020202

41. *Небольсин П.* Очерки Волжского Низовья. СПб., 1852. 197 с.

42. *Небольсин П.* Очерки быта калмыков Хошоутовскаго улуса. СПб., 1852. 190 с.

43. *Недашковский Л.Ф.* Земледелие, скотоводство, промыслы и ремесла // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 551–578.

44. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Восточная литература, 2010. 351 с.

45. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002. 200 с.
46. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906. 582 с.
47. *Паллас П.-С.* Путешествие по разным местам Российского государства, Ч. 2. Кн. 2: 1770 г. СПб., 1786. 571 с.
48. *Пилипчук Я.В.* Осілість та землероби у Дашт-і Кипчак // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. К., 2012. Вип. 60. Режим доступа: http://shron1.chtyvo.org.ua/Pylypchuk_Yaroslav/Osilst_ta_zemleroby_u_Dasht-i_Kypchak.pdf
49. *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 186 с.
50. *Плетнева С.А.* Печенег и огузы на Нижнем Дону. М., 1990. 101 с.
51. *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. 749 с.
52. *Руденко С.И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
53. *Савельева Т.В.* Формирование средневековых городов у кочевников (по материалам раскопок городища Талгар) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 432–438.
54. *Синицын Ф.Л.* Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. М.: Центрполиграф, 2019. 318 с.
55. *Ускенбай К.* Левое крыло Улуса Джучи в XIII – начале XV века // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 208–216.
56. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Издательство Московского университета, 1966. 274 с.
57. *Флёров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2011. 264 с.
58. *Хабдулина М.К.* Древнетюркский культовый центр в Верхнем Прииртышье // Труды IV(XX) Всероссийского археологического центра в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 545–547.
59. *Хабдулина М.К.* Золотоордынские погребения некрополя Бозок (Центральный Казахстан) // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Ке хуе чу бан ше, 2015.
60. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
61. *Хазанов А.М.* Кочевые государства и государства кочевников. Тавтология или история? // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 9–16.
62. *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.
63. *Хождение купца Федота Котова в Персию.* М., 1958. 110 с.
64. *Черных Е.Н.* Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
65. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. Т. 21. С. 28–178.
66. *Vacon E.* Types of pastoral nomadism in Central and Southwest Asia // Southwestern Journal of Anthropology. 1954. Vol. 10. P. 44–68.
67. *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Harrassowitz, 1992. 483 p.

68. Krader L. The ecology of nomadic pastoralism // *International Social Science Bulletin*. 1959. Vol. 11. No. 4. P. 499–510.

69. Lyublyanovics K. The Cumans in medieval Hungary and the question of ethnicity // *Annual of Medieval Studies at Central European University*. Budapest: Central European University, 2011. No. 17. P. 153–169.

70. Pálóczi Horváth A. Keleti népe k a középkori Magyarországon // *Besenyők, úzok, kunok és jászok művelődéstörténeti emlékei*. Budapest; Piliscsaba, 2014.

71. Phillips D. *Peoples on the Move. Introducing the Nomads of the World*. London: William Carey Library, 2001.

72. Sigismund von Herberstein. *Rerum Moscoviticarum Commentarii*. London, 1852. Vol. II.

73. Spinei V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the tenth to the mid-thirteenth century*. Leiden; Boston, 2009. 521 p.

Сведения об авторе: Владимир Александрович Иванов – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (450008, ул. Октябрьской революции, 3А, Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7243-2588. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Поступила 15.03.2021 Принята к публикации 02.06.2021

Опубликована 29.06.2021

REFERENCES

1. Akishev K.A., Khabdulina M.K. Rezul'taty pyatiletnikh raskopok gorodishcha Bozok [Results of five-year excavations of the Bozok settlement]. *Bozok v panorame srednevekovykh kul'tur Evrazii. Materialy Mezhdunarodnogo polevogo seminara (29–30 iyulya 2004 g.)* [Bozok in the Panorama of the Medieval Cultures of Eurasia. Proceedings of the International Field Workshop (July 29–30, 2004)]. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2008, pp. 25–40. (In Russian)

2. Baypakov K.M. Gorod i step' v epokhu srednevekov'ya (po materialam Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ya) [City and steppe in the Middle Ages (based on materials from South Kazakhstan and Semirechye)]. *Vzaimodeystvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsiy* [Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations]. Alma-Ata: Nauka, 1989, pp. 336–345. (In Russian)

3. Baypakov K.M. *Drevnyaya i srednevekovaya urbanizatsiya Kazakhstana (po materialam issledovaniy Yuzhno-Kazakhstanskoy kompleksnoy arkheologicheskoy ekspeditsii)*, Kniga I: *Urbanizatsiya Kazakhstana v epokhu bronzy – rannem srednevekov'e* [Ancient and Medieval Urbanization of Kazakhstan (Based on Research Materials of the South Kazakhstan Integrated Archaeological Expedition), Book I: Urbanization of Kazakhstan in the Bronze Age – Early Middle Ages]. Almaty, 2012. 390 p. (In Russian)

4. *Barbaro i Kontarini o Rossii* [Barbaro and Contarini about Russia]. Moscow: Nauka, 1971. (In Russian)

5. Bisembaev A.A., Akhatov G.A. Gorodishcha epokhi Zolotoy Ordy na territorii Zapadnogo Kazakhstana [Settlements of the era of the Golden Horde on the territory of Western Kazakhstan]. *“Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na Evraziyskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy”*. *Materialy Sed'moy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati G.A. Fedorova-Davydova* [“Dialogue between Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde”].

Proceedings of the Seventh International Conference Dedicated to the Memory of G.A. Fedorov-Davydov]. Kazan; Yalta; Kishinev, 2016, pp. 74–76. (In Russian)

6. Blokhin V.G., Yavorskaya L.V. *Arkheologiya zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya* [Archaeology of the Golden Horde Cities of the Lower Volga Region]. Volgograd: Volgograd State University publishing house, 2006. 268 p. (In Russian)

7. Valikhanov Ch.Ch. Zapiski o kirgizakh [Notes about the Kirghiz]. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Alma-Ata: Main editorial office of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985, vol. 2, pp. 7–71. (In Russian)

8. Valikhanov Ch.Ch. O kochevnikakh kirgiz [About Kyrgyz migrations]. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Alma-Ata: Main editorial office of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985, vol. 4, pp. 105–110. (In Russian)

9. Valikhanov Ch.Ch. O khlebopashestve [About arable farming]. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Alma-Ata: Main editorial office of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1984, vol. 1, pp. 184–190. (In Russian)

10. Vernadskiy G.V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Rus']. Tver: LEAN; Moscow: AGRAP, 1999. 480 p. (In Russian)

11. Garustovich G.N., Rakushin A.I., Yaminov A.F. *Srednevekoveye kochevniki Povolzh'ya (kontsa IX – nachala XV veka)* [Medieval Nomads of the Volga Region (from the end of the ninth to beginning of fifteenth century)]. Ufa: Gilem, 1998. 336 p. (In Russian)

12. Georgi I.-G. *Opisanie vseh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov, tak zhe ikh zhiteyskikh obryadov, ver, obyknoveniy, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostey, Chast' 2: O narodakh tatarskogo plemeni* [Description of All the Peoples Living in the Russian State as well as Their Everyday Rituals, Beliefs, Customs, Dwellings, Clothes, and Other Worthy Mentioning, Part 2: On the Peoples of the Tatar Tribe]. St. Petersburg, 1776. 188 p. (In Russian)

13. Herberstein S. *Zapiski o moskovitskikh delakh* [Notes on the Muscovite Affairs]. Malein A.I. (tr.). St. Petersburg, 1908. 382 p. (In Russian)

14. Golubovskiy P.V. *Pechenegi, torki i polovtsy. Rus' i Step' do nashestviya tatar* [The Pechenegs, Torks, and Polovtsians. Rus' and the Steppe before the Invasion of Tatars]. Moscow: Veche, 2011. 288 p. (In Russian)

15. Doncheva-Petkova L. *Od"rtsi. Nekropoli ot XI vek* [Odartsis. Necropolises from the eleventh century]. Sofia, 2005, vol. 2. 465 p. (In Bulgarian)

16. Drobyshev Yu.I. *Chelovek i priroda v kochevykh obshchestvakh Tsentral'noy Azii (III v. do n.e. – XVI v. n.e.)* [Man and Nature in the Nomadic Societies of Central Asia (from the third century BC to sixteenth century AD)]. Vasil'ev D.D. (ed.). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014. 608 p. (In Russian)

17. Zelenev Yu.A. *Rasselenie mordvy: ee etnicheskaya i politicheskaya istoriya v XIII–XV vv.* [The settlement of the Mordovians: Its ethnic and political history from the thirteenth to fifteenth centuries]. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda = The Genoese Gazaria and the Golden Horde*. Kishinev: Stratum Plus, 2015, pp. 377–382. (In Russian)

18. Ivanov V.A. *Gorod i step' Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy) – istoricheskaya antiteza* [The city and steppe of the Jochid Ulus (Golden Horde): A historical antithesis] *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. 2017, no. 10, pp. 162–167. (In Russian)

19. Ivanov V.A. *Pogrebeniya srednevekovykh kochevnikov na territorii Okhlebininskogo gorodishcha* [Burials of medieval nomads on the territory of the Okhlebininsky settlement]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1977, no. 1, pp. 292–295. (In Russian)

20. Ivanov V.A. *Tri stadii kochevaniya v istorii srednevekovykh plemen Uralo-Povolzhskikh stepey* [Three stages of nomadism in the history of medieval tribes of the Ural-Volga steppes]. *Novoe v srednevekovoy arkheologii Evrazii* [New in Medieval Archaeology of Eurasia]. Samara, 1993, pp. 95–101. (In Russian)

21. Yotov V. *B"lgarskite zemi i nashestviyata na k"snite nomadi v kraya na XI–XII v. Avtoferat na disertatsiya za pris"zhdane na obrazovatelna i nauchna stepen "Doktor"* [The Bulgarian Lands and the Invasions of the Late Nomads at the end of eleventh and twelfth century. PhD Thesis]. Sofia, 2015. 50 p. (In Bulgarian)
22. *Kniga bol'shomu chertezhu* [Big Book of Drawing]. Moscow; Leningrad, 1950. 228 p. (In Russian)
23. Kokorina N.A. *Keramika Volzhskoy Bulgarii vtoroy poloviny XI – nachala XV v.* [Pottery of the Volga Bulgaria from the second half of eleventh to beginning of fifteenth century] Kazan: Institute of History, 2002. 383 p. (In Russian)
24. Komarov S.G., Kitov E.P. Naselenie Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya v epokhu Zolotoy Ordy (po materialam iz mogil'nika Mokrinskiy I) [Population of the Volga-Ural interfluvium in the era of the Golden Horde (based on materials from the Mokrinskiy I burial ground)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology, and Ethnography]. 2014, no. 2 (25), pp. 80–88. (In Russian)
25. Kradin N.N. Kochevnichestvo i teoriya tsivilizatsiy [Nomadism and the theory of civilizations]. *Idem. Kochevniki Evrazii* [The Nomads of Eurasia]. Almaty: Dayk-Press, 2007, pp. 86–94. (In Russian)
26. Kradin N.N. Urbanizatsionnye protsessy v kochevykh imperiyakh mongol'skikh stepey [Urbanization processes in the nomadic empires of the Mongolian steppes]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir (Mat-ly mezhdunar. nauch. konf-ii)* [Mongol Empire and the Nomadic World (Proceedings of an international research conference)]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2008, part 3, pp. 330–346. (In Russian)
27. Kradin N.N., Ivliev A.L., Vasyutin S.A. Imperiya khunnu i nachala stepnoy urbanizatsii [Xiongnu Empire and the beginning of steppe urbanization]. *Tyurkskie kochevniki v Azii i Evrope: tsivilizatsionnye aspekty istorii i kul'tury* [Turkic Nomads in Asia and Europe: Civilizational Aspects of History and Culture]. 2018, pp. 226–240. (In Russian)
28. Krotkov E. Nauchnyy diskurs [Scientific discourse]. *Sovremennyy diskurs-analiz* [Contemporary Discourse Analysis]. 2010, iss. 2, vol. 1, pp. 4–18. (In Russian)
29. Kul'pin E.S. Tsivilizatsiya Zolotoy Ordy [Civilization of the Golden Horde]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* [The Mongol Empire and the Nomadic World]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2004, pp. 167–186. (In Russian)
30. Kul'pin-Gubaydullin E.S. *Zolotaya Orda: Problemy genezisa Rossiyskogo gosudarstva* [The Golden Horde: Problems of the Genesis of the Russian State]. Moscow: Book house "Librocom", 2009. 176 p. (In Russian)
31. Kul'pin-Gubaydullin E.S. *Zolotaya Orda: Sud'by pokoleniy* [The Golden Horde: Fates of Generations]. Moscow: Book house "Librocom", 2011. 192 p. (In Russian)
32. Kul'pin-Gubaydullin E.S. Ekologicheskie i ekonomicheskie kriterii tsivilizatsionnosti Zolotoy Ordy [Environmental and economic criteria for the civilization of the Golden Horde]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii. Kollektivnaya monografiya* [The Golden Horde in World History. Collective Monograph]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 447–456. (In Russian)
33. Kurta F. Obraz i arkheologiya pechenegov [The image and archaeology of the Pechenegs]. *Stratum plus*, no. 5: *Pod znakom Rurikovichey* [Stratum plus, No. 5: Under the sign of the Rurikovichs], pp. 203–231. (In Russian)
34. Levesque P.-Ch. *Istoriya narodov, podvlastnykh Rossii* [Histoire des différents peuples soumis à la domination des Russes]. Sakhigareeva L.F. (tr.), Kuchumov I.V. (ed.). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2016. 480 p. (In Russian)
35. Levshin A.I. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey* [Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaysak Hordes and Steppes]. Almaty: Sanat, 1996. 656 p. (In Russian)

36. Lepekhin I. *Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviya akademika i meditsiny doktora Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva v 1770 godu* [Continuation of the Daily Notes of the Journey of the Academician and Doctor of Medicine, Ivan Lepekhin, to Different Provinces of the Russian State in 1770]. St. Petersburg, 1772. 338 p. (In Russian)
37. Markov G.E. *Kochevniki Azii: Struktura khozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [Nomads of Asia: Structure of the Economy and Social Organization]. Second edition. Moscow: Krasand, 2010. 320 p. (In Russian)
38. Maryksin D.V. Arkheologicheskiy kompleks vremen Zolotoy Ordy Mokrinskiy I [Mokrinsky I archaeological complex of the times of the Golden Horde]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya: problemy, poiski, otkrytiya: materialy III Mezhdunarodnoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii (Astrakhan', 18–21 oktyabrya 2010 g.)*. [Archaeology of the Lower Volga Region: Problems, Searches, Discoveries: Proceedings of the Third International Lower Volga Archaeological Conference (Astrakhan, 18–21 October 2010)] Astrakhan: Astrakhan State University, “Astrakhan University” publishing house, 2010, pp. 312–317. (In Russian)
39. Masanov N.E. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [Nomadic Civilization of Kazakhs: The Basics of the Life of a Nomad Society]. Almaty: “Sotsinvest”; Moscow: “Horizon”, 1995. 320 p. (In Russian)
40. Min'yar-Beloruicheva A.P. Tipologiya istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse]. *Yazyk i tekst* [Language and Text]. 2015, vol. 2, no. 2, pp. 8–16. DOI:10.17759/langt.2015020202. (In Russian)
41. Nebol'sin P. *Ocherki Volzhskogo Nizov'ya* [Essays on the Volga Lower Region]. St. Petersburg, 1852. 197 p. (In Russian)
42. Nebol'sin P. *Ocherki byta kalmykov Khoshoutovskago ulusa* [Essays on the Life of Kalmyks in the Khoshout Ulus]. St. Petersburg, 1852. 190 p. (In Russian)
43. Nedashkovskiy L.F. Zemledelie, skotovodstvo, promysly i remesla [Agriculture, Cattle Breeding, and Crafts]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii. Kollektivnaya monografiya* [The Golden Horde in World History. Collective Monograph]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 551–578. (In Russian)
44. Nedashkovskiy L.F. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ya i ikh okruga* [Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and Their Districts]. Moscow: Oriental literature, 2010. 351 p. (In Russian)
45. *Novokhar'kovskiy mogil'nik epokhi Zolotoy Ordy* [Novokharkovsky Burial Ground of the Golden Horde's Era]. Voronezh: Voronezh State University publishing house, 2002. 200 p. (In Russian)
46. Olearius A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Description of Travel to Muscovy and through Muscovy to Persia and Back]. St. Petersburg: Publication by A.S. Suvorin, 1906. 582 p. (In Russian)
47. Pallas P.-S. *Puteshestvie po raznym mestam Rossiyskogo gosudarstva*, Ch. 2. Kn. 2: 1770 g. [Travel to Different Places of the Russian State, Part 2. Book 2: Year 1770]. St. Petersburg, 1786. 571 p. (In Russian)
48. Pilipchuk Ya.V. Osilist' ta zemlerobi u Dasht-i Kipchak [Settlement and farmers in the Dasht-i Kipchak]. *Fileya: naukoviy visnik. Zbirnik naukovikh prats'* [Gileya: Research Bulletin. Collected Works]. Kyiv, 2012, iss. 60. Available at: http://shron1.chtyvo.org.ua/Pylypchuk_Yaroslav/Osilist_ta_zemleroby_u_Dasht-i_Kypchak.pdf. (In Ukrainian)
49. Pletneva S.A. *Kochevniki Srednevekov'ya. Poiski istoricheskikh zakonomernostey* [Nomads of the Middle Ages. Search for Historical Patterns]. Moscow: Nauka, 1982. 186 p. (In Russian)
50. Pletneva S.A. *Pechenegi i oguzy na Nizhnem Donu* [Pechenegs and Oguzes on the Lower Don]. Moscow, 1990. 101 p. (In Russian)

51. Radlov V.V. *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika* [From Siberia. Diary Pages]. Moscow: Nauka, 1989. 749 p. (In Russian)
52. Rudenko S.I. *Bashkiriy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Bashkirs. Historical and Ethnographic Essays]. Ufa: Kitap, 2006. 376 p. (In Russian)
53. Savel'eva T.V. Formirovanie srednevekovykh gorodov u kochevnikov (po materialam raskopok gorodishcha Talgar) [Formation of medieval cities among nomads (based on materials from excavations of the Talgar settlement)]. *Vzaimodeystvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsiy* [Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations]. Alma-Ata: Nauka, 1989, pp. 432–438. (In Russian)
54. Sinitsyn F.L. *Sovetskoe gosudarstvo i kochevniki. Istoriya, politika, naselenie. 1917–1991* [Soviet State and Nomads. History, Politics, and Population. 1917–1991]. Moscow: Centrpoligraph, 2019. 318 p. (In Russian)
55. Uskenbay Q. Levoe krylo Ulusa Dzhuchi v XIII – nachale XV veka [The left wing of the ulus of Jochi from the thirteenth to early fifteenth century]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii. Kollektivnaya monografiya* [The Golden Horde in World History. Collective Monograph]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 208–216. (In Russian)
56. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans]. Moscow: Moscow State University, 1966. 274 p. (In Russian)
57. Flerov V.S. “Goroda” i “zamki” Khazarskogo kaganata. *Arkheologicheskaya real'nost'* [“Cities” and “Castles” of the Khazar Khaganate. Archaeological Reality]. Moscow: Bridges of culture/Gesharim, 2011. 264 p. (In Russian)
58. Khabdulina M.K. Drevnetyurkskiy kul'tovyy tsentr v Verkhnem Priirtysh'e [Ancient Turkic cult center in the Upper Cis-Irtysh region]. *Trudy IV(XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo tsentra v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Center in Kazan]. Kazan: Fatherland, 2014, vol. 3, pp. 545–547. (In Russian)
59. Khabdullina M.K. Zolotoordynskie pogrebeniya nekropolya Bozok (Tsentral'nyy Kazakhstan) [Golden Horde's burials of the Bozok necropolis (Central Kazakhstan)]. *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baykal'skoy Sibiri* [Ancient Cultures of Northern China, Mongolia, and Baikal Siberia]. Ke xue chu ban she, 2015. (In Russian)
60. Khazanov A.M. *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the Outside World]. Third edition. Almaty: Dayk-Press, 2002. 604 p. (In Russian)
61. Khazanov A.M. Kochevye gosudarstva i gosudarstva kochevnikov. Tautologiya ili istoriya? [Nomadic states and states of nomads. Tautology or History?]. *Fenomen kochevnichestva v istorii Evrazii. Nomadizm i razvitie gosudarstva: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Phenomenon of Nomadism in the History of Eurasia. Nomadism and State Development: Proceedings of the International Research Conference]. Almaty: Dayk-Press, 2007, pp. 9–16. (In Russian)
62. Khlebnikova T.A. *Keramika pamyatnikov Volzhskoy Bolgarii. K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniya* [Ceramics of Monuments of Volga Bulgaria. On the Issue of the Ethnocultural Composition of the Population]. Moscow: Nauka, 1984. 240 p. (In Russian)
63. *Khozhenie kuptsa Fedota Kotova v Persiyu* [Travel to Persia of the Merchant Fedot Kotov]. Moscow, 1958. 110 p. (In Russian)
64. Chernykh E.N. *Stepnoy poyas Evrazii: Fenomen kochevykh kul'tur* [Eurasian Steppe Belt: The Phenomenon of Nomad Cultures]. Moscow: Manuscript Monuments of Ancient Rus', 2009. 624 p. (In Russian)
65. Engels F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva [Origin of the family, private property, and the state]. *Sochineniya K. Marksa i F. Engel'sa* [Works of Karl Marx and Friedrich Engels]. Second edition, vol. 21, pp. 28–178. (In Russian)
66. Bacon E. Types of pastoral nomadism in Central and Southwest Asia. *Southwestern journal of anthropology*. 1954, vol. 10, pp. 44–68.

67. Golden P.B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1992. 483 p.

68. Krader L. The ecology of nomadic pastoralism. *International social science bulletin*. 1959, vol. 11, no. 4, pp. 499–510.

69. Lyublyanovics K. The Cumans in medieval Hungary and the question of ethnicity. *Annual of Medieval Studies at Central European University*. Budapest: Central European University, 2011, no. 17, pp. 153–169.

70. Pálóczi Horváth A. Keleti népek a középkori Magyarországon. *Besenyők, úzok, kunok és jászok művelődéstörténeti emlékei*. Budapest; Piliscsaba, 2014. (In Hungarian)

71. Phillips D. *Peoples on the Move. Introducing the Nomads of the World*. London: William Carey Library, 2001.

72. Sigismund von Herberstein. *Rerum Moscoviticarum Commentarii*. London, 1852, vol. 2. (In Latin)

73. Spinei V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the tenth to the mid-thirteenth century*. Leiden; Boston, 2009. 521 p.

About the author: Vladimir A. Ivanov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Russian History of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (3A, October Revolution Str., Ufa 450008, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7243-2588. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

*Received March 15, 2021 Accepted for publication June 2, 2021
Published June 29, 2021*